

СОВСЕМ недавно, в первые летние дни, во многих городах и весях нашей страны отблестал и отзвучал праздник пушкинской поэзии.

Бесценный и, вероятно, не имеющий аналогов во всем мире праздник. Столько уже о нем написано восторженного, поэтического и познавательного! Несколько раз и мне доводилось писать, ибо посчастливилось проехать почти по всем главным маршрутам праздника, выступать на многих полянах и эстрадах, осененных портретом такого живого и родного нам всем человека. Питлив и вопрошающий его чистый взгляд, и может быть, именно этим летом, как никогда, почувствовал я перед ним вину и беспокорство: не боимся ли мы за ликованием, красочным, возвышенным ледом столь многолюдных собраний открыто глянуть на те проблемы, которые не могут не тревожить?

Написал «многолюдных» и сразу же спохватился — очередной штамп! Да, в Михайловском или Болдине собираются десятки тысяч людей, а вот в миллионном городе Горьком, помню, даже небольшой зал Дома архитектора был на вечере открытия не полон. Этим дождливым маем в городе Орджоникидзе торжества из городского парка были перенесены в новую республиканскую библиотеку. И что же? Под крышей собралось около половины зала. На вечере поэзии, концерте мастеров искусств официальных и должностных лиц было куда больше, чем студентов, молодых поклонников музыки.

Сейчас многие работники культуры, книготорговцы сетуют на то, что интерес к литературе падает, что уровень поэзии не тот, что молодежь многие нынешние стихи не устраивают. Выходит, что и пушкинские стихи ее не устраивают? Но это не так! Наша группа побывала в школе № 7 имени Пушкина в столице Северной Осетии, в эльхотовской средней школе, и мы убедились, как живо, открыто и сочувственно воспринимают ученики поэзию.

Почему же не все? Почему многие отворачиваются от нее на пороге гражданского созвездия, в самый ответственный период? И не мы ли, опытные, наделенные авторитетом люди, порою виноваты, не подавая примера высокого, неформального отношения к духовным ценностям? В упомянутом Эльхотове все праздники проходили у мечети, где останавливался Пушкин во время путешествия в Арзрум и, по преданию, расписался на камне. В прошлом году минарет не вынес тяжести веков и людского небрежения. Исчезла зримая вежа не только на пути поэта, но и в благородной памяти потомков.

С далекого и давно знакомого Северного Кавказа я впервые попал (парадоксы нашего времени!) в такое близкое подмосковное Захарово, которое не раз миновал на электричке. Приехал в любимые звенигородские края накануне, чтобы спокойно вдохнуть воздух этих мест, впитать красоту Захарова, понять, что же всплывало в памяти Пушкина, когда он писал: «Мне видится мое селенье...». Увы, сейчас об этом трудно судить. Холм, на котором была усадьба бабушки — Марии Алексеевны Ганнибал, попал в иное окружение. Все дальше отступает от него лес, «мирные картины прелестной сельской простоты» и все упорней нависают дома Голицынской птицефабрики. Пруд на окраине поселка, вырытый рядом со старым «зерцалом вод», изменил ландшафт, затопил старые деревья и пушкинский ручей. Естественно, он является «излюбленным местом отдыха», берега его истоптаны, но вода, несмотря на притягательность, нечиста. Местная жительница поведала мне, что совсем недавно «в пруд сли-

ли солярку и нашатырь» (аммиак, должно быть).

Старшеклассники и военнослужащие (берега пруда являются зоной отдыха ЦДСА) косили буйные в этом году травы на футбольном поле, которое должно было принять на завтра гостей Пушкинского праздника. Запах свежей кошенной травы, тени кучевых облаков, шум нескольких старых берез бывшей усадебной аллеи — вот и все, пожалуй, что осталось неизменным с пушкинских времен. Но даже единственно предметное — эти уникальные березы, на которых, по преданию, Саша писал стихи, — не взято толком под охрану. Недавно по настоянию энтузиастов останки парка поставлены на учет как памятник садово-паркового искусства — без упоминания его историко-литературной,

через болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево». Понятно, что Хлопино — это Хлопино на нынешней звенигородской ветке, а Захарьево — Захарово. Именно в Больших Вяземах, бывшем имении-крепости Бориса Годунова, услышал Пушкин рассказы о Лжедмитрии, о призывавшей сюда красавице Миншкен. С тех времен остались перестроенный храм и первозданная редкостная звонница. Позднее усадьба была пожалована князю Борису Голицыну — воспитателю Петра I. В конце XVIII века там был построен усадебный дом, дошедший до наших дней. В 1812 году в нем останавливался Кутузов. Какой ансамбль, какое созвездие имен и редностное сочетание исторических фактов, легенд и реальных прекрасных построек, аллей огромного парка — безмолвных свидетелей, столь много говорящих уму и сердцу детей Отечества!

Последний раз я побывал здесь зимой, придя из голицы-

экскурсионные автобусы. В домике ютится музей на общественных началах, в трех залах о тридцати четырех квадратных метрах вкупе, который возглавляет кандидат наук, краевед по призванию, удивительный человек Александр Иванович Виноградов. Это он объединил усилия энтузиастов и добился открытия музея, которому нельзя даже присвоить звание народного: метража не хватает и других условий. А рядом, в огромном флигеле усадьбы, вольготно проживает в смысле помещения (20 комнат) и удаленности от руководства застрявшая лаборатория НИИ земельных ресурсов, давно переехавшего в Мытищи. В главном доме усадьбы расположена музыкальная школа, чья деятельность, в отличие от раскритикованного в центральной печати института, оценивается весьма высоко. Но по условиям работы — это сущий ад: анфилада лишенных звукоизоляции помещений-классов ки-

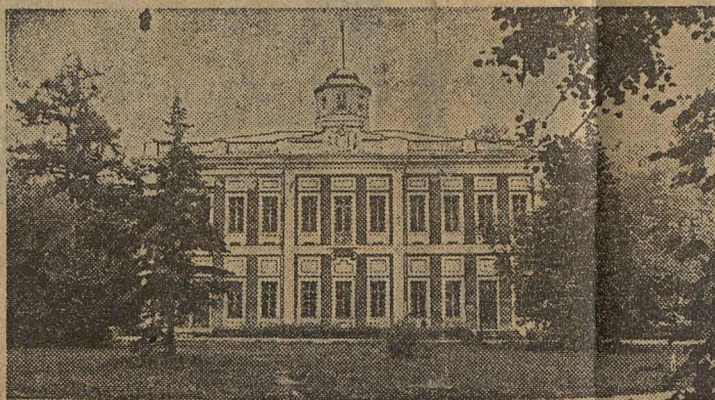
публично посетовал на хиреющие пушкинские места, на «агрессивность» поселка птицефабрики. Да нет, зачем же! — и куры нужны, и дома для рабочих, и бетонный завод расширяться должен. Но неужели горький опыт прошлых лет, вся атмосфера перемен, вершащихся в стране, не показывают со всей очевидностью, что узковедомственные шоры, последние копеечные выгоды, игнорирование общественного мнения часто оборачивались экономическими убытками от исправления головоугодия и невосполнимыми нравственными потерями от безвозвратно утраченного...

Надо решать вопрос о создании музея — сколько же можно эксплуатировать чистый энтузиазм, бескорыстность людскую! Да и экскурсанты все едут и едут, а ни экспозиции достойной, ни книги о замечательных пушкинских местах, ни сувенирчика малого нет.

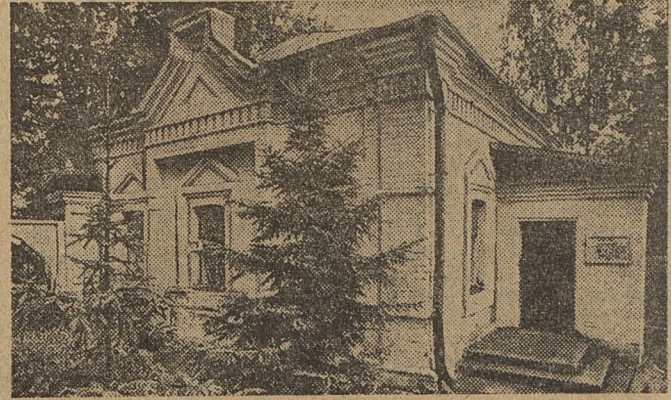
Конечно, не все намеченное можно выполнить сразу, не на

Александр БОБРОВ

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ПРАЗДНИК

Главный дом усадьбы в Больших Вяземах.

В этом домике находится историко-литературный музей «Вязьмы».

пушкинской ценности! — и тоже включен в зону отдыха ЦДСА. И только! Одно из немногих пушкинских мест Подмосковья не объявлено заповедной зоной, а место уникальное и святое!

Пушкин родился в Москве — ни дома, ни Немецкой слободы в первоначальном виде, где рос будущий поэт, не сохранилось. Первые яркие впечатления, о которых мы можем более или менее наглядно судить, пришли к шестилетнему Пушкину из природы и жизни Захарова. «Едва дохнул он привольным воздухом сельской природы», — писал биограф поэта А. Венкслер, — как сделался неузнаваемым, в характере его прошла резкая перемена: прежняя сонливость сменялась вдруг резвостью и шалостями, переходящими всякие границы». Здесь, наперекор французскому воспитанию, бабушка учила его говорить и писать по-русски, а няня Арина Родионовна и дядька Никита поведали ему такие сказки, которые запали в душу на всю жизнь, потому что напрямую перекликались с окружающей природой. Пушкин сам рассказывал другу Нащокину, как носился по захаровским полям и рощам, воображая себя богатырем, вступая в схватку с чертополохом. Детские вольные впечатления с шести до одиннадцати лет — что может быть ярче и решающей их! Вспомните каждый свое детство...

Есть такие известные факты в пушкинской биографии и в творчестве, которые не надо домысливать, чтобы указать на прямое влияние памяти о Захарове и соседних Больших Вяземах, куда ездили они с домашними на богомолье к соседям Голицыным, где похоронен был Сашин младший брат Николай. Многие сельские виды, пейзажи и картины жизни пришли в лирические стихи и строфы «Евгения Онегина» из деревенского детства, из бабушкиной усадьбы. В «Борисе Годунове», в сцене «Корчма на Литовской границе», хозяйка, показывая самозванцу дорогу в Литву, говорит: «А там прямо

ского Дома творчества по берегу некогда живописной запруженной Вязьмы. Теперь все подходы к усадьбе стеснены бетонными заборами, строительными площадками, свалками. Почти на территорию парка вклиниваются посторонние постройки, самая вопиющая из которых — пожарное депо, — судя по свежей грубой кладке, «возведённая» совсем недавно в непосредственной близости к ансамблю. Как могло такое случиться? — пытался я выяснить. Но меня «успокоили»: это еще что! По решению Мособлисполкома от 2 апреля 1984 года «О расширении производственной базы треста Мособлстрой № 6 в поселке Б. Вязьмы» на часть территории, примыкающей к уникальнейшему парку, претендует бетонный завод! ГлавАПУ через три месяца, несмотря на возмущение ревнителей природы и истории, согласовало отвод участка. Невозможно поверить, что речь идет об уникальном месте, расположенном в курортной зоне Подмосковья, на туристских путях, под боком у всех культурных, архитектурных, охранительных и прочих учреждений. Областное общество охраны памятников истории и архитектуры по праву внесло ансамбль в список памятников, имеющих всеобщее значение, но даже самое элементарное не сделано — не утверждены Мособлисполкомом разработанные охранные зоны, чтобы прекратить неразумные вторжения. Об этом только что с болью говорил на VIII съезде писателей СССР академик Д. С. Лихачев.

После пушкинских торжеств я приехал сюда, когда проходил праздник «Цветы, мой поселок». Как бы ни расцвел дачный поселок, каких по стране тысячи, самое прекрасное и бесценное в Голицыне, слившихся с ним Вяземах — старинная усадьба. Именно сюда приезжали один за другим

шит разнообразными звуками всевозможных инструментов.

Александр Иванович добивается, чтобы эти здания отдали музею. Музею на пушкинской основе! — особо подчеркивает он. И не случайно: музей в Вяземах предполагают сделать филиалом звенигородского, а последний не собирается принимать под опеку Захарово. «А ведь это единое место — Пушкинское, заповедное! — переживает Виноградов. — Прочитал у одного именитого исследователя: «Пушкин — человек без детства». Да как можно написать такое! Откуда же все черты характера, все главные впечатления, любовь к сказке, природе, истории, как не из Захарова, не из великолепной библиотеки усадьбы Голицыных, где все дышало искусством и преданиями?..».

После беседы с Виноградовым сразу проясняется круг неотложнейших дел: во-первых, надо как можно скорее утвердить охранные зоны, строго следить за состоянием парка, полностью оградить его территорию от въезда. Во-вторых, требует очистки пруд, созданный по распоряжению самого Годунова, но для этого надо прекратить сливать в него неочищенные стоки. В-третьих, пора завершить наконец-то реставрацию храма — она тянется с незапамятных времен, последний невыполненный срок — к фестивалю в Москве. Местные остроты зовут этот долгострой вяземским детективом. В-четвертых, надо найти полномочного и заинтересованного заказчика. Им, вероятно, должен быть не поселковый Совет, не музей, а Одинцовский горисполком. Тогда многое решится, и отпадут риторические вопросы в ответ на просьбы и критику: что же, мол, вы против кур и яиц? — как спросила меня одна дама в Захарове, когда я

все тут же найдутся нужные средства, но ведь есть такие энтузиасты, как Виноградов, проводящий все свободное время и выходные бескорыстно в музее, его жена, убирающая бесплатно за экскурсантами (в музее даже полставки уборщицы, в отличие от соседней лаборатории на несколько вольных казаков, нет), двадцатидевятилетний Александр Рязанов, отдающий музею молодую энергию и знания архивного работника. Есть множество заинтересованных, обремененных доверием и властью организаций, призванный на живые дела комсомол. Наконец, есть огромная армия любителей пушкинской поэзии, патриотов Отечества, которые, уверен, помогли бы осуществлению благородных замыслов.

Всесоюзный Пушкинский комитет заседает, как правило, поближе к празднику, занимается, так сказать, торжественной, литературной стороной дела. А если посмотреть с практической, будничной стороны, составить перечень действий и мер по сохранению и преобразованию пушкинских мест, поднять общественность, создать специальный фонд, куда бы поступили средства от вечеров поэзии, продажи сувениров, добровольные пожертвования? Уж не так-то много у нас мест, уголков, напрямую осязаемых гением Пушкина, тесно связанных с его судьбой.

...Распрямляется трава на опустевших полянах, яркое убранство сменяется будничными красками и тенями. Праздника закончился, но нет причин для успокоения и оправданий для забывчивого бездействия: ведь поэзия Пушкина, обращение к нему — это праздник, который не кончается.